

Уважаемый читатель!

Мы продолжаем публикацию фрагментов выходящей в свет первой части книги «СИМБИРСКИЙ КОНТЕКСТ. Частная жизнь», написанной заместителем губернатора Ульяновской области Дмитрием Пиорунским и журналистом Андреем Безденежных. Книга представляет собой интервью «без купюр» со знаковыми людьми нашей области.

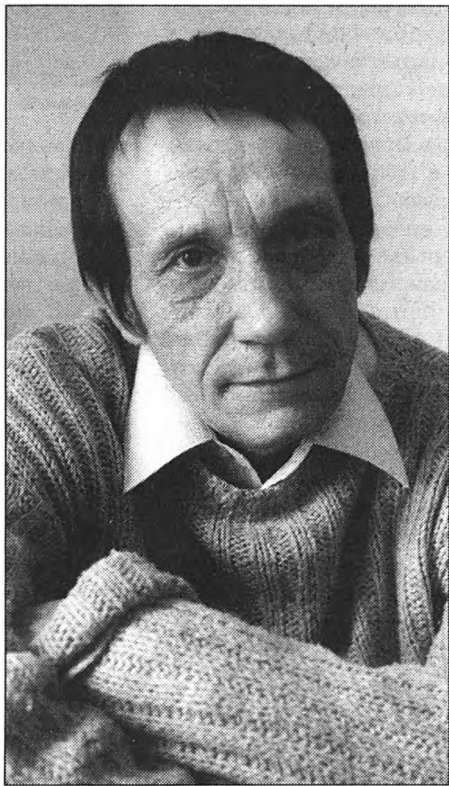
Народная газ. — Ульяновск. — 2003. — 6 июня. — с. 14

МИССИЯ ТЕАТРА

Интервью Бориса Владимировича Александрова.

СПРАВКА:

54 года. Народный артист России, лауреат Государственной премии, председатель Ульяновского отделения Союза театральных деятелей России. Родился в маленьком городке Бузулук, что между Самарой и Оренбургом, в семье заводских рабочих. В школе питал слабость к точным наукам, побеждал на олимпиадах по математике. Но потом, как-то услышав по радио передачу «Театр у микрофона», пришел в театральную студию при народном театре и там остался... После школы со второй попытки поступил в ГИТИС, прочитав отрывки из «Над пропастью во ржи» Селенджера. С 1971 года работает в Ульяновском драматическом театре.

— Борис Владимирович, почему вы поехали именно в Ульяновск?

— В те годы существовало такое понятие, как распределение... Те, кто посмелее, конечно же, пытались остаться в Москве, но я к таким не относился... Был выбор из нескольких провинциальных театров, и мы с двумя другими своими однокурсниками выбрали Ульяновск. Фактически ткнув пальцем в карту.

— Не жалеете?

— Как вам сказать... После того как я приехал в Ульяновск, я внутренне десять лет из него уезжал... Все казалось, что город не мой. После московских ритмов ощутил себя в каком-то сонном царстве, которое все затягивало и затягивало... Причем клонило в сон и на физическом уровне! Не знаю, может быть, здесь в климате есть что-то такое... Иногда словно бы встряхивался и говорил себе: «Жизнь проходит! Надо куда-то рвать!». Но сначала держали веревочки, потом канаты, потом появились корни... А потом как-то понял: «И слава Богу, что не уехал!».

— Начали ценить сонную атмосферу?

— Да! Ульяновск — периферия периферий! Даже основная ветвь железной дороги идет через Сызрань, а потом только делает круг на Ульяновск. Ульяновск — на отшибе, он — в углу! И это делает его особым, ни на что не похожим миром...

Леность города, его неторопливость — это особая красота! В московской беготне люди разбрасывают себя. Москва человека растаскивает! Работа, работа, работа, и нет уже сил заниматься своим внутренним... А внутри постоянно должно что-то вариться, отстаиваться, перебраживать. В Москве на все это не хватает времени... По молодости это, может быть, и нормально, но в зрелом возрасте нужно уже другое...

— Что?

— Неторопливое осмысление...

— Если Ульяновск — периферия периферий, то что такое ульяновский театр?

— Театр столичного уровня на периферии... На сегодняшний день это театр очень высокого уровня.

— А нет ли у наших артистов комплекса по поводу того, что вот, мол, мы такие хорошие, и не в столице?

— Все комплексы зависят от внутренних запросов. У кого-то, наверное, есть... Но посмотрите на это с другой стороны: по сути, театр — это единый живой организм, театр — это явление, а периферийный театр — это часть этого явления. Если он настоящий, если он живой, то ни о каком комплексе не может идти и речи... Мы, живя в Ульяновске, имеем один взгляд на театр. Самара, Казань, Москва — другой. Но все мы работаем, все мы ищем... Периферийность, провинциальность — это не география, а отношение к делу. Это отсутствие вкуса, культуры, требовательности к себе...

По большому счету, театр — это в какой-то степени миссия... Это — твой крест, который ты иногда проклинаяешь. Но если ты его взвалил, то его нужно тащить... А чтобы тащить, нужно идти, а не стоять, нужно искать. В театре можно создавать правду, а можно — правденку... Можно успокоиться и сказать себе: «Все нормально! Мы делаем спектакли, зрители на них ходят. Что еще нужно?». И тогда все, вы остановились и начали работать на зрителя, угождать ему, халтурить. Нужно чтобы зритель смеялся — сделай так, что у тебя на сцене упадут штаны. А что — смешно!.. Можно вообще сделать так, что зритель будет смеяться над вещами, над которыми смеяться в принципе противопоказано.

Истинный театр — это жизнь, преломленная в поэзии... А истинный артист — тот, кто, оставаясь на сцене как можно более живым и естественным, в то же время не становится житейски обыденным. Тот, кто показывает внутреннюю поэзию обыденного человека и обыденных вещей...

— В чем миссия театра?

— Для меня миссия театра на сегодняшний день в том, чтобы человек оставался человеком... Я не очень верю в то, что театр сильно кого-то воспитывает. Но то, что у человека что-то там, в подсознании откладывается, это точно... Миссия театра в том, чтобы создавать не такие спектакли, на которых зритель хохотал бы, падая со стула, а на завтра забывал (хотя и они тоже нужны). А такие, которые бы он посмотрел, а потом прошла неделя, другая, но ощущение, вызванное спектаклем, в его душе все еще жило бы... Словно его что-то зацепило, словно у

него появился какой-то новый взгляд на вещи...

— Актерская профессия — это ремесло или творчество?

— Это и ремесло, и творчество. Конечно же, актер хочет всегда видеть себя творцом, но, надо признаться, иногда это ему не удается. Никуда от этого не денешься...

Что такое ремесло? Это владение техникой. А что такое творчество? Это стремление к саморазвитию... Чтобы в полной мере чувствовать себя творцом на сцене, актер должен «попасть» на роль — должна быть его внутренняя зараженность проблемой пьесы, проблемой героя. Он должен «заболеть» теми же вещами, которыми «болеет» герой... Творчество — это когда актер с помощью роли решает свой внутренний вопрос, который терзает его самого. В этом случае ты не просто мимирируешь, изображаешь, а внутренне работаешь!

— Это тяжелая работа?

— Да... Но какое она удовольствие приносит! Ради нее-то актер и существует!

— А не надоедает ли играть один и тот же спектакль по сто раз? До творчества ли здесь?

— Конечно же, сотый раз по одним и тем же нервам бить тяжело. Но у актеров же есть своя технология, как это делать, так сказать, без особого ущерба для нервной системы... Например, когда сегодня я встречаюсь с партнером в спектакле, он такой, завтра — совершенно другой. У него что-то произошло, у меня что-то изменилось. И если вот это использовать, то удовольствие можно получить и на сотом спектакле...

Но, конечно же, к сотому спектаклю артисты уже начинают себя чем-то подстегивать. Искусственно создают удовольствие, начинают что-то придумывать, какие-то мелочи. Потому что играть без удовольствия — это огромная мука.

— Важны ли для актера зрители?

— Я, когда пришел в театр, думал, что зритель мне не нужен! Что нужно заниматься чистым искусством. Не поймет зритель, ну и наплевать! Но потом я вдруг стал испытывать какие-то странные вещи, я понял, что очень связан со зрителем...

Когда ты говоришь что-то, а потом вдруг делаешь паузу, в зале воцаряется необыкновенная тишина. Зритель ждет твоих слов, и вокруг словно возникает огромное напряжение! Это же еще и такая власть... Ты же в какой-то степени еще и управляешь залом... Когда ты занимаешься своей внутренней работой, зритель тебе сопереживает, а ты это (сопереживание зрителей) еще и чувствуешь, твой кайф от работы увеличивается многократно! Словно происходит твое слияние с сотнями человек, находящихся в зале...

— Насколько я знаю, вы сыграли очень много отрицательных ролей. От негативной энергии, полученной из зала, наверное, и заболеть можно?

— Да, был период, когда я постоянно играл злодеев. Вплоть до того, что если пьеса была о Ленине, я обязательно играл какого-нибудь злобного меньшевика, а если в пьесе совсем не было злодея, уж какой-нибудь небольшой подлец для меня обязательно находился!

А о последствиях... В любой негативной роли ты же все равно творчеством занимаешься! И этим спасаешься, в том числе и от негатива, идущего из зрительного зала.

Как говорится, если ты играешь убийцу, нужно думать, что этот убийца — в целой гармонии мира. Для чего он живет, как он живет... Надо в негативной роли иметь позитивную установку: «Я делаю это для того-то и того-то», например для того, чтобы у людей не просыпалось подобных мыслей, то ты сохраняем от каких-то вещей. Если же ты идешь и начинаешь по правде представлять, что ты — убийца, это можно и самому свихнуться...

— А не было ли таких ролей, которые вам не хотелось играть?

— Один раз было... В «Бесах» Достоевского. Мне тогда вообще не хотелось репетировать. Я думал, что у меня от роли крыша поедет... Но режиссер сказал: «Не бойся. Если ты будешь играть для партнера, то ничего не случится»... Я стал работать, получал удовольствие. Но под конец спектакля все равно ноги подкашивались...

— Как вы чувствуете себя после спектакля?

— После спектакля идет откат... Это так же, как после физической работы у тебя устают мускулы. Здесь ты напрягал определенные нервы. И теперь они должны пойти на торможение... Лично я, когда прихожу после спектакля, просто сажусь за компьютер и полчаса тупо играю в какую-нибудь самую бестолковую игрушку. И через полчаса все негативные последствия проходят...

Нужно просто переключиться, заняться совершенно другим. В это время словно бы закрываются какие-то энергетические каналы, которые ты открыл на сцене и которые некоторое время после спектакля тебя все еще держат...

— Ваша театральная газета называется «АД». В Библии же написано, что «человек сам о себе свидетельствует». То есть получается, что вы горите в аду?

— В аду мы не горим... Хотя театр, конечно же, иногда очень жестокая вещь, и не каждый в ней выживает. Театр очень сильно действует на человека. Тому, кто попал в театр, очень трудно из него вырваться. Театр засасывает...

А теперь представьте, что вы — актер, которого не видят, не ставят на роли при огромном внутреннем стремлении. Тебе кажется, что ты должен играть Гамлета, но тебе не дают! Вот здесь актер, может быть, и попадает в ад... Ведь мы никогда не считаем, что сами такие плохие, у нас во всем виноваты окружающие! А если такое возникает еще и не у одного актера?..

Но у нас, слава Богу, театр довольно благополучный. У нас в театре нет того, что это явление порождает, наглой зависти, интриг, подставления ножек, перешагивания через трупы...

— Но театр — это огромное собрание людей с обостренным самолюбием. Как вы уживаетесь?

— Нормально уживаемся... По-моему, Немирович-Данченко сказал: «Театр строится на растоптанных самолюбиях». То есть, чтобы в нем существовать, нужно самому несколько растоптать собственное самолюбие». Театр учит уметь ждать и быть всегда в форме...

Самолюбия же и на любом производстве хватает. Просто в силу специфики у нас собрано большое количество людей с оголенными нервами. И нервы эти несколько расшатанные... Поэтому время от времени это прорывается...

— У каждого своя правда. В чем ваша?

— Моя правда — в постоянном человеческом саморазвитии. Я должен постоянно узнавать новое. И про себя в том числе... Ведь все не так однозначно, все не так просто, как кажется... Если ты сильно завяз в каком-то деле, то становишься его рабом. Поэтому нужно держаться и еще каких-то интересов. Личности тебе нужны новые впечатления, ощущения. Если их нет, происходит деградация...

— В чем ваше счастье?

— Мое счастье наступает тогда, когда я понимаю, что я, несмотря ни на что, что-то сделал. Счастье в осознании того, что ты в чем-то состоялся.

— Что для вас важнее — внешняя жизнь или внутренняя?

— И то, и другое. Я, как и любой актер, должен совмещать в себе интроверта и экстраверта. Чтобы что-то отдавать, нужно это где-то брать. А для того, чтобы все время брать новое, нужно чтобы куда-то девалось старое! Так что одно без другого невозможно...